

ЛИТЕРАТУРНО-ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

Ключевые слова: языковая личность, кубанский диалект, метаязыковое сознание, народно-речевая культура.

Keywords: language personality, Kuban dialect, metalanguage consciousness, folk speech etiquette.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-06

Общепризнано, что диалектная языковая личность (ЯЛ) – первооснова национальной ЯЛ, это обуславливает приоритетное изучение ее сущностных характеристик (см. работы В.Е. Гольдина, Е.В. Иванцовой, В.Д. Лютиковой, Е.А. Нефедовой, С.Е. Никитиной и др.). Современными исследователями диалектная ЯЛ признается носителем традиционной народно-речевой культуры [ср. Иванцова, 2010, с. 83]. По нашим наблюдениям в ходе многолетних диалектологических экспедиций, представители сельской интеллигенции, испытавшие влияние художественной литературы, текстов СМИ, западной культуры, но при этом знакомые с фольклорными текстами, усвоившие с детства традиции, этические, эстетические и речевые нормы диалектного сообщества, тоже могут быть выразителями народно-речевой культуры своих предков. Приходится признать, что данная категория людей не рассматривается диалектологами в этом аспекте.

Среди образованных сельских жителей можно выделить категорию лиц, которым свойственно доминантное двуязычие, когда «полифункциональный язык употребляется в большинстве социально значимых ситуаций, а язык с меньшим набором функций – в социально менее значимых ситуациях или же с определенными коммуникативными (эстетическими, художественными и т.п.) целями» [Крысин, 2000, с. 154]. Подчеркнем, что доминантное двуязычие в условиях Краснодарского края характерно только для кубанцев, проживающих в населенных пунктах, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой (КГУЯО), поскольку эти говоры имеют существенные фонетические и грамматические отличия от русского литературного языка (РЛЯ). В связи с тем, что в роли доминантного выступает РЛЯ, такое двуязычие можно назвать литературно-диалектным.

Литературно-диалектным двуязычием обладает А.Н. Котелевич, 1947 года рождения, коренная жительница станицы Старотитаровской Темрюкского района Краснодарского края, где она более 50 лет проработала заведующей детской библиотекой, которую сама создавала «с первой книжки». Ведущей темой в ее работе по краеведению как библиотекаря-библиографа была «Кубань: История. Культура. Традиции». Предки А.Н. – кубанские казаки. У мамы была фамилия Масло, а у отца Чугунный – *це стари казаки фамылиш*. Семья жила в *вальковой* хате под камышом, которая сохранилась до сих пор. На родительском *пидворье* и сейчас растет *родова шолковыця*. Мама А.Н., родившая девять детей, имела орден «Материнская слава». Она была замечательной рассказчицей. А.Н. сожалеет, что поздно начала записывать рассказы матери, которая рано ушла из жизни.

Интерес к родному говору, к меткому народному слову, который пробудился у А.Н. в молодые годы, не утратился до сих пор. «Материнский язык» она не забывает и с удовольствием откликается на просьбу собирателей вести беседу на нем. По степени проявления творческого начала в языке А.Н. относится к нестандартной ЯЛ. О таких людях И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: « <...> творческие в языковом отношении индивидуумы увеличивают объем языка и, воздействуя на других, умножают также и их богатство» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, Т. 1, с. 227]. Развивая мысль великого ученого, можно сказать, что такие ЯЛ, сберегая объем говора, транслируют его богатство всем, кто испытывает интерес к диалекту. В условиях нивелирования материнского языка, когда круг представителей архаичного слоя носителей диалекта сужается, представляется, что активное и осознанное сохранение и популяризация языковой традиции, просветительская работа А.Н. в этом направлении могут рассматриваться как деятельность по реконструкции говора. В этом состоит позиция носителя диалекта в системе диалектного сообщества.

До знакомства с нами А.Н. проявляла интерес прежде всего к собиранию фольклора, а также самостоятельно создавала небольшие рассказы на говоре, основанные на реальных событиях. Ею составлен рукописный сборник паремий и фразеологизмов. Большинство из них образует живой личный фольклорно-фразеологический фонд А.Н., который является важной характеристикой ЯЛ. Значительную его часть А.Н. узнала от матери, которая унаследовала фольклорное богатство от своей матери: *Цэ ш бабушка мами расказуе, а мама – мини*. Очевидно, что в современной жизни фольклор в большей степени существует благодаря семейной традиции, которая опирается на традицию народную, обеспечивающую сохранность системы

народной мудрости в гармоничном соединении с системой образности. В этой связи можно констатировать наличие семейной и индивидуальной фольклорно-фразеологической памяти (ср. с понятием «пословицная память русского народа» [Благова, 2000, с. 167]).

Исследователи отмечают, что носитель диалекта, относящийся к архаичному слою, обладает долговременной и оперативной памятью, поэтому способен продолжать языковую традицию и приумножать ее [Лютикова, 2000]. Пример А.Н. позволяет утверждать, что и среди современных образованных сельских жителей есть такие, кто поддерживает наследственную связь со своими предками – носителями устной коллективной культуры, в силу чего ЯЛ, подобные А.Н., тоже способны сохранять в памяти значительные пласты информации.

Важной частью этой информации является пословично-фразеологический фонд. Фиксация его составляющих особенно актуальна в наши дни, когда современное младшее поколение практически не использует в своей речи образцы народной мудрости, не проявляя к ним должного интереса. Деятельность А.Н. по собиранию пословиц, поговорок и фразеологизмов является популяризацией общерусских и региональных устойчивых выражений в условиях отмирания народной культуры в ее естественном бытовании и сокращения общения людей между собой. В.И. Даль, размышляя над вопросом, что такое народная поэзия, справедливо считал, что ее частью являются пословицы с их особой поэтикой [Даль, URL]. Полагаем, что к народной поэзии можно отнести и устойчивые выражения, в которых аккумулируется многовековой народный опыт, особое видение мира. Кроме того, общеизвестно, что многие фразеологизмы рождаются из пословиц, значение которых имплицитно сохраняется в устойчивом выражении. Пословица усекается, часть ее забывается, а фразеологизм начинает жить в языке самостоятельной жизнью. Устойчивые обороты, как и пословицы, отличаются художественно-выразительным потенциалом: отточенностью формы, непреходящей жизненностью содержания, что способствует их легкому запоминанию.

Составленный А.Н. фольклорный сборник назван ею устойчивым выражением «Скажэ, як влипе», которым на Кубани характеризуют остролова. В местных говорах бытует также устойчивое словосочетание (УС) *скажэ, як в глаз влипэ* (ср. с общенародным *не в бровь, а в глаз*). Уже заглавие рукописи свидетельствует о том, что ее автор восхищается способностью простого человека давать меткие, образные и лаконичные характеристики. Сборник включает в себя 617 пословиц и устойчивых выражений, расположенных по алфавиту

(значения фразеологизмов и объяснение пословиц не приводятся). Обращает на себя внимание тематическое разнообразие материала (характеристика человека, семейная жизнь, отношение к детям, советы на разные случаи жизни, идиорефлексы и др.). В сборнике встречаются и общерусские фразеологизмы и поговорки, которые функционируют в говоре в местной огласовке (*ходить кругамы; якый пип, такый и прыхид; як сыр в масле кататься; хто рано встает – тому Баг дае; чэрэз пинь-колоду; тэрны, козак, атаманом будэши* и др.), а также структурные варианты (*на дыкой кози ны пидйидыши*, ср. в литературном языке (ЛЯ) *на хромой козе не подьедешь; нэ кажси гоп, поки нэ пырыскочышь*, ср. в ЛЯ *не говори гоп, пока не перепрыгнешь; чэрэз зубу нэ плюнэ*, ср. в ЛЯ *через зубу не переплюнет; робэ з-пид быча*, ср. в ЛЯ *работает из-под палки; хочь святых выносы*, ср. в ЛЯ *хоть святых выноси; як гимно в ополонки*, ср. в ЛЯ *как говно в проруби* и др.). Данный факт демонстрирует близость говора и РЛЯ.

А.Н., по ее признанию, быстро схватывала и запоминала всякие присказки, побрехеньки из казачьего быта, брызжащие народным юмором. Часть из них вошла в составленный ею сборник «Гытаривци, та шей...» (30 текстов). Заглавие дано по названию одной из побасенок, которое, в свою очередь, представляет собой сокращенный вариант прозвища жителей станицы Старотитаровской – *тытаривци, та ще й га*. В беседе с нами А.Н. отмечала, что это выражение упоминал и кубанский писатель В.И. Лихоносов в романе «Наш маленький Париж». История возникновения прозвища также описана уроженцем станицы Старотитаровской доктором исторических наук Н.Ф. Бугаём, автором истории родной станицы.

Именно фольклорные тексты вдохновили А.Н. на создание бывальщин – кратких устных рассказов о происшествии, случае, имевшем место в действительности. У каждой из них свое название, при выборе которого проявляется творческое начало ЯЛ А.Н. – способность выразить квинтэссенцию содержания бывальщины. Заглавия разнообразны: среди них встречаются части скороговорок и пословиц («Хиба я колы кому шо...», ср. *Хиба я колы кому шо, я ж ныколы ныкому нычого, а як и колы кому шо, так хиба нызя, чи шо?*; «...у вола шкурка», ср. *У куркы самый укусный язык, а у вола – шкурка*; «Дайтэ буравэць...», ср. *Дайтэ буравэць, той шо стрыгты овэць*); реплики персонажей, представляющие собой поговорки («Оцэ – выщим, оцэ – ныщим»); вывод, сделанный самим автором («Бува й такэ», «Порыбачилы»); место действия («На базари»); стержневое понятие («Заговор», «Пчилына матка»). Преобладают ключевые фразы персонажей («Бабусё, идить йисты», «Довжэн, нэ спорю», «Однэ

лышнэ», «На дили такы повечерялы», «Вон с городу, бисова душа», «А як бы я щэ вмывся» и др.).

Значительная часть текстов в сборнике построена в виде диалогов. Авторская речь в большинстве бывальщин, как и реплики героев, представляет собой КГУЯО. В отдельных рассказах повествование ведется на РЛЯ, а персонажи говорят на диалекте. Язык историй доступный, простой, из средств выразительности используются устойчивые выражения (*грязный як ганчирка, злой як чортяка, спивалы як вовки вылы, набраться як свыння* ‘напиться пьяным’, *сказать одним духом* ‘сказать сразу, без паузы, не задумываясь’, *устроить прочуханку* ‘отругать’, *кричать скикы духу* ‘громко кричать’, *свички в голови засвительысь* ‘кто-либо испытал сильную боль от удара по голове’, *де ж тэбэ бэнэ ря носыть* ‘кто-то ушел куда-л. и долго не возвращается’), недобрые пожелания / ругательства (*бисова душа, шоб ты пийшов мэкаючи, шоб кто-л. сказывся*), эпитеты (*гарный, добрый, здоровый, нэдотэпный, жадный*). Действие многих рассказов происходит в Темрюкском районе, о чем свидетельствуют местные топонимы: ст-цы Старотитаровская, Вышестеблиевская, Ахтанизовский лиман, гора Пужайка, упоминается также г. Керчь, куда станичники часто ездили на *базарь*. Обращает на себя внимание, что бывальщины в основном автобиографичны (в них встречаются фамилии и имена родителей, родственников, соседей А.Н.: *Мыкола Чавунный* – отец А.Н., *Масло* – фамилия семьи матери, *Маруся* – мать А.Н., *Соломия Семеновна* – бабушка по материнской линии, *Вэрэцакы, казак Шамрай* – соседи и др.).

Следует отметить, что, рассказывая о своей семье, А.Н. часто апеллирует к реальным событиям, положенным в основу бывальщин. Сравним фрагмент записи беседы с А.Н., в котором она рассказывает о зажиточной семье своей матери, и бывальщину «На дили такы повечерялы»:

Фрагмент беседы с А.Н.

А мама була из Маслив, Масло. Цэ стари казаччи фамыли. Воны всигда умилы выжывать. У них було крэпкэ хозяйство, особыно у Маслив. Оцэ мама всигда на любый случай расказуе яку-нибудь побасинку. Шоп понять, шо воны харашо жылы, коло

Бывальщина

«На ди’ли такы’ повече’рялы»

У Маслив вечером осталась варына красна рыба. Бабушка кажэ Маруси: «Однысы Вырыцакам оцю чашку з рыбой, хай идять, а то у них одна мамалыга». Утром сосидка устрила Семёнову: «Ой, спасыби ж, Симёновна, мы ж таки учера

лымана жылы. Батько ловыв рыбу, йийы батько, и каждый дэнь у ных була свижа, одварэна, жарэна рыба. А шо оставалося, (вона цэ була малинька, манэнька мама цэ була, трынацатилетней девочкой), йиш бабушка Саломийка дае тэ, шо осталося от йиды, от ужына, и кажэ: «Маруся, однысы тим Вэрэцакам, у йих пять дивок в городи, и одну кукурузу йидят, мамалыгу. На другый дэнь кажэ: «Встрива ж мэнэ суситка Вэрэцачиха и кажэ: «Ой, Симёновна! (Цэ ш бабушка мима расказуе, а мама – мини.) Мы ш такы вчэра на дили повычэрялы. С тех пор у нас в симье вошло в обычай: если вкусный ужын или обит: «Оцэ ш мы на дили поснидалы».

на дили повэчэрялы, щей утром поснидалы». Отак, на дили.

Желая сделать текст более лаконичным и динамичным (что согласуется с жанром), А.Н. сокращает в бывальщине многие детали (характеристики зажиточной семьи Масло и бедной семьи Верещака, имя бабушки, прозвище соседки, признание вхождения устойчивого выражения в семейный лексикон). Очевидно, что для А.Н. было важно показать рождение устойчивого выражения *на ди'ли* 'как следует', которое стало употребительным в их семье. Этим и обусловлено стремление к некой обобщенности.

Многие истории являются органичной частью коммуникативного поведения А.Н.: она использует их при описании характера человека. Так, в рассказе об отце, его образе жизни А.Н. естественно переходит на историю, которая бытует и как бывальщина «Однэ лышне». Приведем фрагмент беседы и бывальщину:

Фрагмент беседы с А.Н.

Батько у нас ны пыв, ну... по гостям ходылы. Оцэ одна побасинка на тему, як батько пишов в гости и, конечно, прыгостывся там. Прышлы до

Бывальщина «Однэ лышне»

Прышлы колысь батько з матерю з якоь свайбы пизно ночью.

Диты (а их було девять) уже вси спалы покотом. Батько

дому, кажэ матэ: «Давай жэ дитэй провирым». Дэвять дитэй, отак кровать стоить, покотом. Дивчата – на пичи, хлопъци – покотом на это. В общем, тры кровати, наверно, в хати в одной було до тих пор, пока сэстра жыла в одном доме. Сталы щитать дитэй. Батько: «Ото, маты, мабуть я сёдня выпыв, ны дощитуюсь». Пощитала матэ. Тожэ одын лыщний. Шо такое? Щиталы, щиталы. Ну ладно, завтра утром дощитаемся. Полягальы спать. Утром дывлюция, оказуеця, диты привилы хлопчика, который там заблудывся, од родитилив оцтав из другой станыци. Привылы ночувать до сэбэ. Ото був одын лыщний.

начав пырысцитувать их по головам. Раз посщитав, другый, тай каже: «Мать, може, я лышнего выпыв, шось у менэ нэ сходыця, однэ лышине.

Начала маты сщитать, тоже на одного бильше, хтось лышний. Ляглы спать, а утром диты рассказали, шо прыютылы на ничь хлопчика из другой станыци, шо от батькив отстав.

А.Н. стремится донести в смешных и поучительных историях народные представления о нормах общежития и при этом сохранить простоту и доступность содержания. Побасенки и бывальщины помогают людям не терять бодрость духа и заражаться безунывным восприятием бытия. Составленные А.Н. сборники, без сомнения, явление рукописной культуры, обращенное как в ретроспективу и перспективу, так и в настоящее. Их можно отнести к особому виду источников изучения ЯЛ – материалам «слуховой памяти» информанта (ср. материалы «слуховой памяти» ученого, хранящего в сознании воспоминания об особенностях речи конкретного носителя языка [Иванцова, 2010, с. 105]). В рукописных сборниках раскрываются творческие наклонности А.Н., ее способность к созданию текстов в жанре, свойственном русскому фольклору.

Еще одним прикладным аспектом деятельности А.Н. Котелевич стал сбор лексики и фразеологии для «Опыта словаря кубанских говоров» (Краснодар, 2018). По просьбе его составителя с 2006 года А.Н. начала систематически фиксировать слова и выражения, которые сохранились в ее памяти или были услышаны в речи станичников (около 1300 языковых единиц (ЯЕ)). Важно отметить, что эта работа

вызвала у А.Н. большой интерес и энтузиазм, о чем свидетельствуют не только значительное количество и разнообразие зарегистрированного языкового материала, но и метаязыковые заметки. Так, на одном из листов было написано: «Для Борисовой О.Г. (с удовольствием)», а на другом была приписка с пожеланием удачи. Собранный диалектный материал, безусловно, имеет «меморативную» направленность, поскольку очевидно осознанное стремление автора сохранить слова материнского языка, запечатлеть лексико-фразеологическое богатство говора, тем самым противостоять экспансии РЛЯ. Сбор диалектизмов для А.Н. – это, в первую очередь, личностно-мотивированная попытка выявить в собственной речи и речи своих земляков диалектную лексику и фразеологию, в которых отражаются коллективный жизненный опыт и ценностные установки.

А.Н. осознавала, что многие языковые единицы уже вошли в книгу «Кубанские говоры: материалы к словарю» (Краснодар, 2005), ей также хорошо знаком авторский словарь П. Ткаченко «Кубанский говор» (Краснодар, 2008), поэтому отбор диалектизмов проводился прежде всего с учетом наличия / отсутствия слова (значения) в этих лексикографических изданиях. Тем не менее в записях А.Н. есть целый ряд знаковых для местного говора слов, уже зафиксированных в региональных словарях. Ядро словника составляют, как правило, территориально ограниченные лексические единицы (ЛЕ), поскольку А.Н. их дифференцирует, противопоставляя описываемые идиомы РЛЯ. В материалах представлены разные части речи. Преобладают существительные (36 %) и глаголы (34 %), прилагательные и наречия в количественном отношении примерно равны – 5,7 % и 6,7 %. А.Н. также записала около 230 диалектных фразеологических выражений (17 %). Зарегистрированные ЛЕ относятся к разным тематическим группам (ТГ): «Характеристика человека», «Народная медицина», «Явления природы», «Пища», «Животные», «Растения», «Предметы быта», «Духовная культура» и т.д.

В большинстве случаев зафиксированные слова и выражения или входят в активный словарь носителей говора, или легко всплывают в воспоминаниях о прошлой жизни. Число устаревших лексем ограничено (*бы'льця* 'спинки железной кровати', *ди'жка* 'деревянная бадья', *жу'ровый* 'коричневый платок, полушалок', *кагане'ц* 'светильник из гильзы').

Записи А.Н. сделаны в ассоциативно-свободной форме: слова расположены не по алфавиту, часть из них образует ситуативные группы или пары. Среди них можно выделить синонимы (*дуры'свит*, *з'нэдого'ном* 'дурак, придурок'; *заману'ха*, *закапэ'лок* 'изгиб улицы');

ку'йда, патла'чка 'лохматая'; лаху'дра 'неаккуратная женщина' и мазны'ця 'грязнуля'; нэвмови'рна 'упрямая, неуживчивая, наглая' и нэвжи'тошна 'несговорчивая, неуступчивая, неконтактная' и др.); слова одной ТГ (ТГ «Овощи, фрукты, ягоды»: гальва' 'айва', каву'н 'арбуз', огурки' 'огурцы', пэ'рыць 'перец', помадо'ры 'помидоры', поры'чка 'красная смородина', тырни'вки 'слива, терновка', цыбу'ля 'лук', часны'к 'чеснок'; ТГ «Мясные блюда»: здор 'внутренний содранный жир свиньи', ковбаса' 'колбаса', ко'вбык 'начиненный желудок свиньи', мян'со 'мясо' и др.) или относящиеся к одному грамматическому классу (наречия учэра 'вчера' и сёдня 'сегодня' и др.); слова, связанные ассоциативно по звучанию (ковто'к 'глоток' и ко'вбык 'начиненный мясом желудок свиньи', пу'хырь '1) волдырь, 2) твердый болезненный бугорок' и пу'чка 'мягкий конец пальца, которым берут щепотку – пу'ченку' и др.) или по значению (йстивный 'человек с аппетитом', засы'пка 'макаронные крупы для супа', вы'жаркы 'остатки от вытопленных кусочков сала'; кунтуши' 'мешочки с хламом' и хабари' 'барахло (бедные вещи)'; ны бый лэжа'чого, ледацю'га, ло'дарь 'ленивый человек'; засмальцо'вана, забрэхаца 'обляпаться снизу – брюхом' и др.); слова, входящие в одно словообразовательное гнездо (глывки'й, глывтя'к 'сырой, непропеченный хлеб'; масла'к 'кость', маслакова'тый 'костистый'; погля'дэны, розгля'дыны 'обычай разглядывать невесту, свадьбу', сцы'кы 'вещи, испорченные мочой', сця'ки 'моча' и др.); оппозиции существительных по родовому признаку (сэру'н 'трус' и сэру'ха 'трусиха'; ста'рыць, ста'рчиха 'нищий (ая)'; уну'кы и уну'чкы и др.); видовые глагольные пары (су'нуть, посу'нуть 'двигать', тулы'ть, притулы'ть 'прислонить, положить ненадежно' и др.); слова, употребляемые в одном контексте (розга'тыть 'нечаянно разбить, уронив хрупкую вещь' и буты'ль 'большая бутылка, емкость', тут же дается контекст: Довирыла бутыль – так вин ёго розгатыв).

А.Н. фиксирует ЛЕ с помощью приема малограмотного письма, стараясь максимально точно передать особенности местной огласовки: оканье (робо'та), произношение [И] на месте ятя (гори'хы ловы'ть 'на свадьбе хватать орехи, монеты', ныди'ля 'неделя'), веляризацию согласных перед гласными переднего ряда (вы'мандюрыть 'крепко выругать с матом', далэ'ченько 'далековато', по'дына 'низина', чималэ'нько 'многовато'), ассимиляцию зубных согласных с [J] (ками'ння 'камни', пиднэб'ння 'нёбо'), мягкое / твердое [Ц] (забия'цька 'остра, задиристая (о горчице)', ця'цькы 'цацки'); последовательно в формах глаголов с возвратным суффиксом -ся: божы'ця 'креститься и говорить молитву', пиддобры'ця 'сделать

услугу кому-то для хорошего отношения’, *почипы’ця* ‘повеситься’, *уна’дыця* ‘повадиться’, *чипуры’ця* ‘прукрашиваться’), произношение слогового [У] вместо губно-зубного [В] в начале слова (*учёра* ‘вчѐра’), произношение [ХВ] на месте [Ф] (*шка’хва* ‘шкаф, шифоньер’) и др. Следует отметить, что А.Н. обращает внимание на редукцию гласных в речи станичников, не характерную для украинского языка (*дырка’ч* ‘стертый веник’, *мытыля’еця* (*мэтэляеця*) ‘болтается на ветру’, *ныди’ля* ‘неделя’. *пырыго’н* ‘алкогольный напиток второго сорта’, *пырыля’к* ‘испуг’), что свидетельствует о наличии у А.Н. фонематического слуха.

Слова А.Н. подает в соответствии с лексикографической традицией, то есть в их начальной форме. Между тем в отдельных случаях делается акцент на типовую ситуацию употребления слова, чаще это встречается при фиксации глаголов. Например: форма 2 л. ед. ч. (*нэ прыта’рыш* ‘не подступишься’), форма 3 л. ед. ч. (*наеда’е* (на кого-то) ‘несправедливо придирается’, *часу’е* ‘находится при смерти’), форма м. р. прош. вр. (*нэ втрапы’в* ‘не успел’, *раззя’пыв* ‘широко открыл, распахнул’); форма ж. р. прош. вр. (*облыша’лась* ‘обозналась’, *расиэрэ’пылась* ‘расставила ноги’); форма мн. ч. прош. вр. (*побэ’хкалысь* ‘переросли чересчур (огурцы, тыквы)’, *погомони’лы* ‘поговорили’). Безличные глаголы последовательно подаются в характерных формах 3 л. ед. ч. или ср. р. прош. вр. (*вэ’рзлось* ‘снилось (плохой сон)’, *го’ди* ‘хватит’, *захурдэ’лыло* ‘замело, завьюжило’, *кану’дэ* ‘тошнит, мутит’, *набры’дло*, *наосторчёртило* ‘надоело’, *розга’сло* ‘земля расквасилась, замерзлась’, *ростэли’пало* ‘разволновало’ и др.).

Для прилагательных, обозначающих признак, в большей степени характерный для женщины, А.Н. использует форму ж. р., напр.: *доди’льна* ‘деловая, аккуратная женщина’, *манэ’сынька*, *худэ’сэнька*, *поди’льчива* ‘не жадная, делится со всеми’; *пинди’тна* ‘капризная, с претензиями’, *у’тла* ‘слабая, хрупкая’ (при фиксации и формы м. р. *у’тлый* ‘слабый, хрупкий, непрочный’).

Таким образом, подача ЛЕ прежде всего обусловлена фактором знакомства А.Н. с научными принципами представления слов в словаре. Между тем следует отметить и влияние прагматического фактора, заключающегося в том, что в сознании диалектоносителей слова нередко существуют в наиболее употребляемых формах, поддерживаемых частотными контекстами.

В отдельных случаях указываются стилистические пометы, напр.: *замандю’рыця* ‘чуть презрительно: очень чего-то захочется’, *на’кыво* ‘супротив (*грубо*)’, *пону’ра* ‘неодобрит. о женщине серой, унылой’,

поллэ'мзать 'медленно, с трудом, как бы нехотя, пойти (неодобрительно)', *пэ'кать* 'груб. есть', *пэ'льку набы'ть* 'наесться (грубо)', *роззя'нить* 'грубо раскрыть рот'. Встречаются лексемы с отсутствующей стилистической пометой в толковании, но в иллюстративном примере имплицитно присутствует эмоционально-экспрессивная окраска, напр.: *шарпа'к* 'оборванец' (*Та то шарпак!*).

Не менее важной частью предоставленных нам записей является объяснение значений ЛЕ. И здесь А.Н. выступила в роли непрофессионального лексикографа. Отметим, что в региональной лексикографии создание авторских словарей – явление достаточно распространенное (о «наивной» лексикографии подробнее см. [Бондаренко, 2015]). В нашей практике мы работали с подобными материалами, предложив относить такие словарики к *интровертным* (см. подробнее [Борисова, Костина, 2013]). В отличие от наивных лексикографов А.Н. не ставила цели создать словарь, ее записи ориентированы на диалектолога-лексикографа, поэтому сформулированные толкования не унифицированы. Она видит свою задачу в том, чтобы «высветить» особенности функционирования диалектных единиц в местном говоре.

Проанализируем стратегии толкования слов, использованные А.Н. Котелевич, опираясь на классификацию, предложенную А.Н. Ростовой, которая выделяет три типа стратегий: идентифицирующую, классифицирующую и характеризующую. «Результатом идентифицирующей стратегии осознания значения слова является описание отражаемого словом предмета или шире – ситуации» [Ростова, 2000, с. 161]. При этом толкования могут быть денотативно ориентированные (обозначаемое описывается как единичное явление в совокупности своих признаков, свойств и т.д.) и сигнификативно ориентированные (выявляются различительные признаки слов внутри тематического ряда) [Ростова, 2000, с. 162]. При классифицирующей стратегии «значение представлено как элемент зафиксированной в сознании системы ассоциативных связей слов, основанных на отношениях сопоставления и противопоставления» [Ростова, 2000, с. 163]. Используя характеризующую стратегию, диалектоносители, объясняя значения слов, как бы моделируют коммуникативный акт, в котором употребляется ЛЕ.

Большинство толкований А.Н. отражает парадигматические отношения между словами (синонимия, семантическое и формальное варьирование и др.), что свидетельствует об использовании составителем классифицирующей стратегии. См., например: а) определение значения через синоним литературный (*ва'жкый*

‘тяжелый’, *крадько́ма* ‘украдкой’, *ривча́к* ‘ручей’, *рытязо́к* ‘ошейник’, *чаву́чить* ‘раздавить’, *шарва́рка* ‘переполох’ и др.); реже через диалектный (*гарбажи́йка* ‘арпачик’, *наши люды* ‘одностаничники’); через синонимичное диалектное устойчивое выражение (*и́стинный: Йисть, як за сэбэ кыдае*); через просторечный синоним (*ця́цькы* ‘цапки’); б) через ряд синонимов РЛЯ (*глузува́ть* ‘насмехаться, издеваться’, *горла́ть* ‘орать, кричать’, *ду́рно* ‘напрасно, зря’, *поллэ́мзатъ* ‘медленно, с трудом, как бы нехотя пойти’, *скубты́сь* ‘ссориться, спорить’, *у́тлый* ‘слабый, хрупкий, непрочный’), реже через синонимический ряд, включающий литературный и диалектный синонимы (*тырни́вки* ‘слива, терновка’); в) через формальное варьирование (*ками́ння* ‘камни’, *ла́дыком* ‘ладком’, *мя́со* ‘мясо’, *пэ́рыць* ‘перец’); г) через семантическое варьирование (*пу́хырь* ‘1) волдырь, 2) твердый болезненный бугорок’, *розжа́рыцься* ‘1) вспотеть, 2) одеться не по погоде легко’, *тыня́ться* ‘1) шататься из стороны в сторону, 2) бродить без дела’).

В случае отсутствия у диалектного слова литературного эквивалента используются объяснения значений, базирующиеся на идентифицирующей стратегии. Как правило, это традиционная для толковых словарей сигнификативно ориентированная дефиниция, например: *буты́ль* ‘большая бутылка, емкость’, *вовэ́ло* ‘матерый волк’, *вы́вязаця* ‘повязать косынку или платок концами вверх, надо лбом’, *ганчи́рка* ‘грязная тряпка’, *затэса́ця* ‘зайти без приглашения’, *лаху́дра* ‘неаккуратная женщина’, *оклы́гатъ* ‘выздороветь после тяжелой болезни’, *планы́ця* ‘секция деревянного забора’, *стовбы́чиця* ‘стоять столбом, назойливо’, *тузлук* ‘насыщенный рассол’, *уклу́нок* ‘небольшой мешок с грузом’, *чита́ка* ‘тот, кто читает по покойнику’ и др. Следует отметить, что А.Н. в ряде случаев указывает функции описываемых реалий, см., напр.: *кори́стка* ‘деревянная фигурная палочка, длинная, для помешивания варенья’, *пу́чка* ‘мягкий кончик пальца, которым берут щепотку’.

Реже А.Н. при толковании ЛЕ исходит «из ситуации», создавая денотативно ориентированные толкования. См., например: *йего маа́ра во́дэ* ‘пьяному что-то кажется, он не ориентируется’, *розга́сло* ‘земля расквасилась, размерзлась’, *розча́хнутъся* ‘дерево лопнуло пополам, в разные стороны’, *спына́еця* ‘малыш пробует стать на ножки’, *стру́же* ‘дует резкий, зимний ветер с морозом’.

Встречаются и дефиниции, основанные на характеризующей стратегии, в этом случае значение трактуется через соотношенность со свойствами референта и типовой ситуацией словообозначения. Е.Д. Бондаренко, исследовавшая способы толкования слов на примере

18 «внутренних» словарей, отмечает, что опора на характеризующую стратегию в целом свойственна наивным лексикографам в связи с их частотной ориентацией на коммуникативный акт [Бондаренко, 2015, с. 206]. Однако А.Н. данную стратегию использует крайне редко, см., например: *кунтуши* ‘забывай свои кунтуши, то есть хлам, старое, пожитки’. Контекст в этом случае может выступать в качестве самого толкования. Среди подобных дефиниций отмечаются толкования через сочетаемость слов, см., например: *выряжа́ть* ‘невесту из дому, солдата в армию’, *навпростэ́ць* ‘через поле, коротким путем’, *розда́йбида* ‘всем охотно раздает добро’, *цо́кать* ‘по стеклу (или языком)’. Нечастотность таких типов дефиниций можно объяснить тем, что А.Н. старается последовательно придерживаться лексикографической традиции.

Анализируя толкования, составленные А.Н., следует отметить случаи сужения значения слова. См., например: *забрѣхаця* ‘намочить одежду и обувь или в воде, или в росе’ (или в грязи), *зачаву́нить* ‘прикинуть борщу’ (или супу), *кагане́ц* ‘светильник из гильзы’ (любой примитивный осветительный прибор), *натоптова́тый* ‘крепкий, низкорослый мужик’ (вообще о человеке), *нэстэми́сэнькый*, *вы́копаны́й*, *вы́лынять* ‘копия отца’ (или матери), *стрэ́бовать* ‘потребовать и получить долг’ (не только о деньгах) и др. В приведенных толкованиях А.Н. детализирует семантику слова, делая смыслоразличительными те признаки, которые являются важными в быту, обусловленными конкретными жизненными ситуациями. Данная особенность в целом характерна для авторских словарей, составленных наивными лексикографами [ср. Бондаренко, 2015, с. 206]. Гораздо реже наблюдается расширение значения слов, см., напр.: *поджерде́ловик* ‘гриб’ (гриб, растущий под *жерде́лей* – деревом дикий абрикос), *со́яшныци* ‘болезнь, хворь’ (боли в животе или аппендицит).

Предложенные А.Н. толкования позволили уточнить, конкретизировать значения отдельных слов и ЛСВ.

Подтверждением значения слова, как известно, являются оправдательные примеры, роль которых для диалектного словаря трудно переоценить. Следует отметить, что А.Н. ранее уже имела опыт по составлению иллюстративных примеров для «Материалов этнолингвистического словаря: метеорология» (Славянск-на-Кубани, 2001), одним из авторов которого была ее дочь, О.Н. Котелевич, студентка филологического факультета, записавшая со слов матери контексты для многих словарных статей. В этой лексикографической практике А.Н. проявила себя как лингвокреативная ЯЛ, что нашло отражение в ее ответах, представляющих собой яркие речевые

зарисовки, в которых значение слов и устойчивых выражений раскрывается через ситуативный контекст. См., например (заголовочные слова в примерах выделены жирным шрифтом): *Як пиднявся бурха йло на мори, чуть катир не потопив. Надо витэр горишня 'к, шоб визалысь огиркы. Захма 'рылось, шо нэ поймэшь, чи ничь, чи дэнь! Мороз слабэнький, а вжэ зашэрхну 'ло в калюжэ. Гляжу по утру, а на городи, во двори, кругом крупа, а з ниба так и сыпле. Шо мыгы 'чка, шо мжы 'чка – усэ слякотна погода. Диды на нэби посидалы – будэ дощэ.*

В письменных материалах, переданных нам А.Н., не все слова сопровождаются иллюстрациями. Формулируя оправдательные примеры, А.Н. проявляет способность воссоздавать обыденную ситуацию, что делает контексты органичными и естественными. Среди них преобладают информативные, под которыми понимаются контексты, «отражающие металингвистическую деятельность диалектоносителей и содержащие исчерпывающий материал (в виде денотата слов или общей денотативной ситуации), необходимый для составления полной словарной дефиниции исследуемого слова» [Раков, 1988, с. 16].

Представленные А.Н. иллюстрации тематически разнообразны. Наиболее приоритетны среди них те, в которых дается морально-этическая оценка человека. См., например: *В хату ны зайдэш – сця 'кы воняють, чи вона дытыни ны стирае. Гроци росфинькалы и сыдять. Дожылысь, шо и надить ничёго – однэ дря 'мтя. Така нывмови 'рна – ничёго ей ны докажыш, ны уговорыш. Ури 'ныца в шось – и хоть ты шо. Вы 'гвоздыла свои патреты спэрэди, а батька карточку и ны повисыла. Чи йий дила нэма? Сновыга ' по улыци. Уна 'дылась падруга до дочкы – та и ноче уже ныдилю. Вы 'быквася до потолка, а на уми всэ игрушкы. Ти ще ны жылы. А вин навывэрэдкы ' пэрэд всимы появысья у сватив. На то нывжы 'тоиный – ны с кым нэ ладэ. Мы 'рци соби нахватать. На роботу ны нахы 'лыш.* Отрицательные характеристики людей в большей степени высвечивают этический идеал человека.

В отдельных иллюстрациях отражается эстетическая оценка, как правило, тоже отрицательная: *Идэ – нузэ 'ло до колин – хоба то мужик? Був страшный, но вы 'лыняв,* то есть преобразился. *Явылась в гости: кохта зама 'цана. Та вона така гладка', як нэ лопнэ. Така гайга 'ра, шо и замиж ны выйдэ.* Примеры с положительной эстетической оценкой единичны: *Шкахву посу 'нул сам – такый ссыльный. Вона идэ и пыша 'иция, як пава.*

В ряде контекстов проявляется гендерная оценочность, состоящая в сочувственном отношении к нелегкой женской доле. См., например: *Та вин **духобо́р**: всю жызынь з нэй кров пыв. Та вин ейи **обны́щив**, та и бросыв. Ёму **замандю́рыця** – а ты, жинка, бигай, жарь. Она ужэ **ва́жка** ходыла, а вин усэ йиш ны брав.*

Важной характеристикой человека является его речь. Среди иллюстраций А.Н. содержатся предложения, в которых описано речевое поведение человека: *Ты свий язык **прытупы́**. Як **разгорла́вся**. Дила з нэй нэма: тикы **во́зыкы по ха́там во́зэ** (т. е. разносит сплетни). Та я ёму слова **на́кrypto** нэ сказала. Про титаривцив казали: «Цэ прыйхалы **ти́кэ так**». Ска́жэ, як вли́нэ.*

Отдельную группу составляют предложения-угрозы: *Дужэ ны **заголя́йся**, бо выпросыш. Як возьму **дрючо́к** – получиш. Шоб ты **почипы́вся** на высчий гыляки.*

У ряда ЛЕ и фразеологических единиц (ФЕ) приводятся краткие оправдательные примеры (короткие речения), что не снижает их информативности. Такие контексты призваны отразить типовую ситуацию употребления диалектной единицы. См., например: *Жарылы картошку с **вы́жаркамы**. Рыбу варылы в **тузлу́ки**. Чепчик на Троицю по хати стельлы. Як **шелесну́вся** з дэрэва. **Нахну́пылось** – будэ доць. **Нахну́пылась** и нэ балакае. Юпка у нэй на **ско́лках**. Узяла на врэмя, тай **захарла́ла**. Её **поробы́лы**.*

Анализ иллюстративных примеров показывает, что они в основном сосредоточены на теме «Человек». Кроме того, преимущественно оправдательные примеры предлагаются А.Н. для слов, характеризующих человека. Преобладание таких контекстов демонстрирует присущий носителю говора коммуникативный антропоцентризм.

Многочисленны в записях А.Н. устойчивые выражения. Обращает на себя внимание, что часть ФЕ подается сразу в контексте. См., например: *Шо ты ржэши, як кобыла в Спасивку? (Спасивка – ‘яблочный спас’). Та ёму скоро жаба цыцькы дасть ‘скоро конец’. У нёго рот нэ вгавае. Колы ты вжэ найисся ‘рот не закрывается, ест и ест’. Ждалы-ждалы тай жданыкы пойлы ‘о долгом ожидании без результата’. Пронав ны за цапову душу ‘ни за что’.* Зафиксированные ФЕ, бесспорно, отражают относительно устоявшуюся картину мира А.Н., что способствует рассмотрению ЯЛ на когнитивном уровне [ср. Юнаковская, 2011, с. 60].

Диалектологическая деятельность А.Н. демонстрирует ее развитое метаязыковое сознание, которое проявляется в способности дифференцировать диалектные слова, стремлении не использовать при

толковании диалектные синонимы, понимании важности фиксации коннотации слова, его места в лексической системе говора (парадигматика) и типичной сочетаемости (синтагматика), а также в отражении ассоциативно-деривационных отношений ЛЕ и умении спонтанно приводить информативные контексты.

Творческая и прикладная деятельность А.Н. подтверждает, что выразителем традиционной народно-речевой культуры может являться и литературно-диалектная языковая личность. В этой связи необходима разработка типов крестьянской речевой культуры в среде современных сельских жителей и описание соответствующих им типов ЯЛ.

Литература

Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Интровертный словарь как особый тип диалектного словаря // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2013. СПб., 2013.

Даль В.И. Походные письма на Хиву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.librapress.ru/2014/08/Vladimir-Dal-Pohodnye-pisma-na-Hivu.html>.

Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.

Крысин Л.П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.

Лютюкова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.

Юнаковская А.А. Фразеологический аспект описания конкретной речевой личности [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2011. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

References

Belyakova S.M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [Image of Time in a Dialect Picture of the World (on material of lexicon and phraseology of Russians the

starozhilcheskikh of dialects of the South of the Tyumen region]. Doct. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2005.

Blagova G.F. *Poslovitsa i zhizn': Lichnyy fond russkikh poslovits v istoriko-fol'kloristicheskoy retrospective* [Proverb and Life: The Personal Fund of Russian Proverbs in Historical and Folkloristic Retrospective]. Moscow, 2000.

Boduen de Kurtene I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on General Linguistics]. Moscow, 1963. Vol. 1.

Bondarenko E.D. *Naivnaya lingvistika dialektonositeley: etnosotsiolingvisticheskiy aspekt* [Naive Linguistics of Dialect Carriers: Ethnosociolinguistic Aspect]. Cand. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2015.

Borisova O.G., Kostina L.Yu. *Introvertnyy slovar' kak osobyiy tip dialektного slovaryia* [Introvert Dictionary as a Special Type of Dialect Dictionary]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya). 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). 2013]. St. Petersburg, 2013.

Ivancova E.V. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the Language Personality Theory]. Tomsk, 2010.

Dal' V.I. *Pokhodnye pis'ma na Khivu* [Campaign Letters to Khiva]. URL: <http://www.librapress.ru/2014/08/Vladimir-Dal-Pokhodnye-pisma-na-Hivu.html>.

Krysin L.P. *O nekotorykh osobennostyakh dvuyazychiya pri blizkom rodstve kontaktiruyushchikh yazykov* [About Some Features of Bilingualism in Close Relationship of Contacting Languages]. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Speech Communication in the Conditions of Linguistic Heterogeneity]. Moscow, 2000.

Lyutikova V.D. *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialect* [Language Personality: Idiolect and Dialect]. Doct. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2000.

Rakov G.A. *Dialektnaya leksicheskaya sinonimiya i problemy ideografii* [Dialect Lexical Synonymy and Ideography Problems]. Tomsk, 1988.

Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as Form of an Explication of Metalanguage Consciousness]. Tomsk, 2000.

Yunakovskaya A.A. *Frazeologicheskij aspekt opisaniya konkretnoj rechevoj lichnosti* [Phraseological Aspect of the Description of a Specific Speech Personality]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.